

Юрий
НАГИБИН

ВСПОЛОШНЫЙ ЗВОН

Вып. 1092 - 1992 - 29 сибг. - с. 5

Теперь слева от нас находится длинный, с полверсты Манеж. Он был построен для учения и парадов конных войск инженером Бетанкуром и зодчим Бове. Перекрытие этого здания считалось чудом строительной техники, иностранные инженеры специально приезжали в Москву изучать бетанкуровскую конструкцию. Манеж — неотделимая часть старой Москвы, тем не менее его упорно пытались снести, чтобы увеличить асфальтовую лысину столицы. Я подписывал гневно-слезливые вопли протеста. Редкий случай, но власти сжалились над Манежем. Теперь это выставочный зал, где однажды была развернута большая экспозиция великого Коненкова. Других выставок, имевших художественное значение, я что-то не припомню. Москвичи добродушно шутят, что, когда тут цокали копыта кавалерийских лошадей, навоза было меньше.

Дальше следует упомянуть здание, где прежде находился музей Калинина, «всесоюзного старосты», покорнейшего сталинского подручного, которого так долго и старательно оведали туманом благолепия. Считалось, что «Калиныч» — мужичий президент, народный человек, заступник обиженных, кладесь доброты и справедливости. За всю свою долгую жизнь он не защитил ни одного человека, даже собственную жену, которую Сталин держал в тюрьме, наверное, для того, чтобы обеспечить себе рабыню покорность ее мужа.

Недавно я узнал историю, которая исчерпывающе характеризует этого «деятеля», чьим именем были названы древняя Тверь, Кенигсберг — город Иммануила Канта, подмосковный промышленный город, район Москвы, проспект и Бог весть сколько заводов, фабрик, учебных заведений по всей стране. Когда посадили старого революционера Н. А. Емельянова, сподвижника Ленина (это он ухрыпывал вождя в Разливе), его жена решила пробиться на прием к верному другу семьи

председателю ВЦИКа Михаилу Ивановичу Калинин. Уж он-то знает, какой ее муж: честный и преданный Советской власти человек, уж он-то разрешит чудовищное и необъяснимое недоразумение! На прием к Калинин ее не пустили, и несчастная женщина решила дожидаться его в коридоре. Ей это удалось. Не ожидавший художого Калинин бодро вышел из кабинета и наткнулся на жену репрессированного большевика.

— Миша!.. — вскричала Емельянова и тут же поправилась:

— Михаил Иванович!..

Перед ее носом заходил крючковатый стариковский палец.

— Я не Калинин!.. — зашипел старик, зырякая по сторонам глазами. — Я не Калинин!.. Поняла?.. Не Калинин!..

И, вобрав голову в плечи, быстро засеменял по коридору.

Думаю, что эта встреча в музее Калинина никак не была отражена.

Дальше до самой улицы Фрунзе по правую руку простирается квартал, занятый Ленинской библиотекой, крупнейшим книгохранилищем страны. Новое гигантское здание построено архитекторами Щуко и Гельфрейхом, старое — Баженовым.

Ныне библиотека находится в угрожающем положении. Ее фундамент расшатали поезда метро, проложенного здесь очень близко к поверхности земли. Поразительное дело! Чуть не на всем протяжении этой ветки штольня идет на большой глубине, но там, где начинается историческая застройка, метро выходит из глубины, исчезает нужда в эскалаторах.

Недавно я выступал в лектории Ленинской библиотеки — это было серьезным испытанием для нервной системы. Я подошвами чувствовал проезд каждого поезда метро, зал вибрировал и содрогался, что-то звенело, дребезжали оконные стекла, казалось, здание вот-вот рухнет. Наше великое книгохранилище

должны закрыть на ремонт, это больно ударило по ученым и учащимся, по писателям и журналистам, по всем читателям столицы и боюсь, что по книгам тоже, а это уже катастрофа.

Громадное здание Щуко и Гельфрейха придавило старое здание Ленинской библиотеки, бывший Румянцевский музей.

«В XVIII веке домом № 1 владел князь А. А. Меншиков, а в 1782 г. он перешел к богачу В. Е. Пашкову, потомку денщика Петра I, для которого знаменитый архитектор В. И. Баженов построил к 1786 году великолепное здание, до сих пор служащее украшением города. Перед ним был разбит прекрасный сад с прудами. Его помпезный ансамбль принадлежит к шедеврам мировой архитектуры. Изысканность пропорций, богатство и изящество декоративных украшений придают облику здания особую привлекательность. Высоко поднятое крутым холмом, оно исклю-

чительно красиво на ярком фоне синего неба. Современники называли это гениальное здание В. И. Баженова «одним из чудес мира» (П. Сытин).

Воистину так: чудо. И будем надеяться на чудо спасения этого чуда от подземной опасности.

Читателям может показаться странным, что я оставил этот очерк без названия в отличие от всех остальных. Но в названиях я оттачивался или от имени улицы, или от ее идеи. Ведь я писал об улицах и площадях, возникших естественным путем, органически, в силу необходимости, а не по самодурству какого-нибудь князя или царя. Проспект Маркса — искусственная магистраль, созданная волевым актом, равнодушным к истории города, к реалиям, заключенным в старых названиях. Захотели — сделали. Поэтому очерк облику здания особую привлекательность. Высоко поднятое крутым холмом, оно исклю-

чианты в заплесневелых переплетах свиной кожи, забившие до отказа старую церковь, тихо догнивают, пока советские инстанции ведут бесконечную тяжбу с немцами, не желая ни за что расстаться с культурным кладом, при этом не пытаясь его ни использовать, ни хотя бы сохранить.

Мы вернули немцам увезенную Дрезденскую галерею, когда возникла злоеющая страна ГДР — смесь спортивного общества с полицейским застенком.

А перед этой благородной акцией, призванной навечно скрепить дружеские связи между Советским Союзом и той частью страны, которую откололи от государственного тела Германии, чтобы построить там социализм, картины, кое-как развешанные, но больше приваленные штабелями к стенам, наше доброе правительство открыло для обозрения самым отборным гражданам, самым выдающимся, заслуженным и доверенным: высшей партийной номенклатуре, министрам, маршалам.

И лишь перед самой отпавшей галереи на родину были допущены немногочисленные счастливцы из числа деятелей культуры. Я попал в святилище в числе первых не за свои заслуги, разумеется, а по родственным

связям: был женат на дочери советского Форда, директора первенца отечественного автомобилестроения, ныне носящего его имя — завод имени Лихачева.

Иван Алексеевич Лихачев был при Сталине чем-то вроде апостола Иоанна при Христе: тот его возлюбил, как со скромной гордостью говорил о себе евангелист. Поэтому, хотя в группу входило два министра, маршал — горный орел, начальник автоколонны Советской Армии и генерал — полковник авиации, главой культурных паломников считался Лихачев, младший по официальному положению. К нему и обращался данный нам в сопровождение знаменитый скульптор Меркуров: автор известных монументов, доселе украшающих Москву, человек громадного роста, необъятного туловища, с зычным голосом и длинной пегой бородой.

Читающие этот очерк не поверят, но Меркуров — с деликатной помощью высоких гостей — вытаскивал из хаотичной завали то «Леду» по рисунку Микеланджело, то портрет старика кисти Тинторетто, то что-то Шардена.

Правда, ряд наиболее выдающихся (то ли по мнению Меркурова, то ли по мнению специалистов из госбезопасности) полотен был без вся-

кой системы развешан по стенам. И среди них, разумеется, «Сикстинская мадонна» Рафаэля, главное сокровище галереи. Надо сказать, что все участники нашей экскурсионной группы слышали об этой картине и шли на свидание именно с ней.

И вот мы благоговейно приблизились к величайшему творению Рафаэля, «чистойшей прелести чистейшему образцу» и уставились на него, как баран на новые ворота. Мне кажется, что все ожидали чего-то более торжественного, великолепного, помпезного. А тут что — молодая мать с младенцем на руках, ангел и старик-священник.

— Иван, — радостно обрателься Меркуров к Лихачеву. — Ты знаешь, я держу Рафаэля за хвост.

— Да брось! — озадачился Лихачев, не зная, как реагировать на это неожиданное сообщение.

— Гляди. Тут три овала. Меркуров взял указку и очертил сперва Деву Марию с младенцем, потом ангела, напоследок — папу Сикста.

И в самом деле, они точно вписались в очерченные овала, что в общем-то ни о чем не говорило.

— Надо же! — уважительно сказал Лихачев, причем это уважение распространялось в равной мере на угад-

ливость Меркурова и на ловкость Рафаэля; ишь, хитрец, как всех обвел!

— А это правда дорогая картина? — засомневался министр среднего машиностроения.

— Дорогая? — чуть обиженно повторил Меркуров и, по-прежнему признавая только Лихачева, повернулся к нему. — Да пяток твоих ЗИСов стоит.

— Ты что имеешь в виду? — недоверчиво нахмурился Иван Алексеевич. — ЗИС-110 или ЗИС-101?

Нынешний ЗИЛ в девичестве носил имя Сталина. ЗИС-101, содранный с «Линкольна», был первым советским лимузином, новорожденный ЗИС-110 — правительственная машина — содрана с «Паккарда».

— Не машин, а заводов ЗИС, — хладнокровно ответил Меркуров.

— Не лепи горбатого! — Лихачев пепельно побледнел сквозь розовый гипертонический румянец.

— Господи! — вскричала моя теща и, забывшись, — она была из купеческой богемной семьи, — истово перекрестилась.

— Ваах! С ума сойти, — проклекотал горный орел.

Все были потрясены, и престиж Рафаэля в глазах этих простодушных людей поднялся выше самых высоких гор.

Когда через какое-то время я принес в дом известие, что Дрезденскую галерею возвращают в ГДР, Лихачев рванул на груди рубашку старым матросским революционным жестом и заорал:

— Молчи, враг народа! Мы за Сикстинку грудью пойдём!..

Но это позже, тогда же Меркуров, довольный произведенным впечатлением, разливался соловьем, восхваляя Рафаэля.

Я его не слушал. Случайно сместив взгляд, я увидел нечто, повергшее меня в трепет. Серо-жемчужного цвета фетровая шляпа лихо надвинута на правый глаз, алым пламенем горит камзол, рука сжимает золотую монету, готовую упасть в ладошку молодой женщины в желто-белом одеянии, превращающей шлюшку в невесту, цепко следит за расплатой хитрая рожа сводни и скалит зубы крепко подвыпивший лютнист. Боже мой, да ведь это «У сводни» таинственного Вермера Делфтского, моего любимого художника, знакомого лишь по черно-белым репродукциям. И тут же я увидел другую его и столь же любимую картину «Девушка с письмом».

Луи Селин сказал, что мании одних не доставляют счастья другим. Это правда, хо-

тя мании порой бывают разительны. Высокопоставленная компания уже обещала искусством, к тому же все были убеждены, что ничего более дорогого, чем «Сикстинская мадонна», и ничего более завлекательно-го, чем «Леда», они не увидят. Но мне удалось подтащить их к Вермеру. Они тут по возрились на дивные полотна, искренне недоумевая, что тут хорошего: не божественно и не соблазнительно. Мое сообщение о том, что первая картина изображает сценку в публичном доме, вызвало легкую рябь на глади духовной невозмутимости, вскоре погасшую. Картина Вермера странно целомудренна, она не пробуждает дурных страстей и потому безразлична для неразвитого сознания. «Ничего особенного», — выразил общее чувство начальник автоколонны.

Меркуров услышал его фразу и почувствовал себя задетым. Он знал, как сбить бы крепко подвыпивший лютнист. Боже мой, да ведь это «У сводни» таинственного Вермера Делфтского, моего любимого художника, знакомого лишь по черно-белым репродукциям. И тут же я увидел другую его и столь же любимую картину «Девушка с письмом».

Луи Селин сказал, что мании одних не доставляют счастья другим. Это правда, хо-

тя мании порой бывают разительны. Высокопоставленная компания уже обещала искусством, к тому же все были убеждены, что ничего более дорогого, чем «Сикстинская мадонна», и ничего более завлекательно-го, чем «Леда», они не увидят. Но мне удалось подтащить их к Вермеру. Они тут по возрились на дивные полотна, искренне недоумевая, что тут хорошего: не божественно и не соблазнительно. Мое сообщение о том, что первая картина изображает сценку в публичном доме, вызвало легкую рябь на глади духовной невозмутимости, вскоре погасшую. Картина Вермера странно целомудренна, она не пробуждает дурных страстей и потому безразлична для неразвитого сознания. «Ничего особенного», — выразил общее чувство начальник автоколонны.

Меркуров услышал его фразу и почувствовал себя задетым. Он знал, как сбить бы крепко подвыпивший лютнист. Боже мой, да ведь это «У сводни» таинственного Вермера Делфтского, моего любимого художника, знакомого лишь по черно-белым репродукциям. И тут же я увидел другую его и столь же любимую картину «Девушка с письмом».

Луи Селин сказал, что мании одних не доставляют счастья другим. Это правда, хо-

— Мать-перемать! — ахнула оба министра, начальник автоколонны и генерал-полковник авиации.

Репутация Вермера была спасена...